

СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

Не всякое молчание — секрет, и не каждый секрет — семейная тайна.

Замалчивание

Замалчивание — это не обязательно намеренное желание что-то скрыть. Невозможно рассказать абсолютно все: для этого может не быть желания или времени, или вы можете просто не видеть в этом смысла. Кроме того, вполне нормально держать при себе некоторые истории или мысли. Внутри каждой семьи, в каких бы отношениях ни состояли ее члены, обязательно присутствует нечто невысказанное. Равно как и неслышанное: мы довольно часто бываем невнимательны или не подозреваем о важности того, что нам говорят.

Иногда замалчивание порождается Историей. В качестве примера можно привести опыт тех, кто пережил ужасы нацистских лагерей смерти во время Второй мировой войны. Натали Зайд, внучка евреев, уничтоженных в Освенциме, встречалась и разговаривала с детьми выживших. При этом она заметила одну черту, свойственную каждой из опрошенных семей: нежелание родителей рассказывать о пережитом опыте. По ее мнению, такое поведение обусловлено уверен-

ностью выживших, что их опыт невозможно передать тем, кто его не пережил, настолько он далек по своему ужасу и абсурду от любых представлений о нормальности. Эта «непередаваемость» имеет межпоколенческие последствия, которые можно сравнить с теми, что порождаются семейной тайной, и которые Натали Зайд описывает в своей книге¹.

Тайна

Тайна не является одним из такого рода замалчиваний: она представляет собой намеренное сокрытие чего-либо от кого-либо. И, как мы увидим далее, сохранение тайны невозможно без принятия соответствующего решения и его практической реализации стараниями добровольных или вынужденных соучастников. Таким образом, тайна с момента своего появления вписывается в систему отношений, которую она, в свою очередь, трансформирует и помогает поддерживать. Это приводит к возникновению разделяющей дистанции не только между теми, кто посвящен, и теми, кто не посвящен, или, скорее, между теми, кто имеет право знать, и теми, кто не имеет такого права, но также между теми, кто принимает решение о введении режима секретности, и теми, кому навязывается соблюдение этого режима.

¹ Nathalie Zajde, «Enfants de survivants. La transmission du traumatisme chez les enfants des Juifs survivants de l'extermination nazie», 1999.

Семейная тайна

До выхода на пенсию г-жа З. считала себя потомком русских и английских аристократов, чьи портреты до сих пор украшают ее кабинет. Получив в свое распоряжение больше свободного времени, она начинает генеалогические исследования, которые полностью опровергают ее прежние представления. Выяснилось, что на самом деле ее прадедущка и прабабушка были пекарями и актерами-любителями, которые в конце 1780-х годов при невыясненных обстоятельствах оказались в России. Г-жа З. вспоминает, что в ее детстве дедушка и бабушка рассказывали о России, о холоде и волках, и сожалеет, что не пыталась узнать больше подробностей всех перипетий их жизни. Помимо прочего, она обнаружила, что в определенный период прадедущка и прабабушка были разлучены более чем на год: дедушка находился в тюрьме, а бабушка была вынуждена работать на корабле, курсирующем по Волге. В это самое время на свет появляется младенец, которого выдают за ребенка этой пары... И здесь мы соприкасаемся с семейной тайной: все документы того времени были сожжены одним из двоюродных дедушек. Не осталось никаких следов кроме (предполагаемых) портретов предков, нескольких вышитых кружевных платочков и открытки с изображением теплохода, которая была датирована и подписана следующим образом: «В память о нашей одиссее по Волге». Все эти предметы были обнаружены г-жой З. при

обстоятельствах, почти столь же невероятных, как и вся история ее предков.

Семейная тайна становится таковой только тогда, когда она раскрывается, поэтому можно предположить, что многие секреты так никогда и не обретают этот статус. Настоящая семейная тайна касается произошедших в семье событий, о которых один или несколько ее членов умалчивают либо перед другими членами семьи, либо перед посторонними людьми. Именно тот факт, что она касается семьи, придает тайне свойства, которые оказывают дальнейшее воздействие, поскольку семью нельзя рассматривать просто как небольшую нейтрально настроенную группу: отношения, связывающие ее членов, имеют для них особую важность и являются специфическими для каждой отдельной семьи.

Управление семейными отношениями может оказаться особенно сложным, когда в семье происходят драматические события. Например, станет ли мать рассказывать своим детям, что ее собственный отец отбывает срок за убийство? Как женщина может сказать кому-то (или даже подумать), что ее муж — педофил? Понятно, что молчание посвященного члена семьи, которое, возможно, распространяется им даже на самого себя, представляет собой практичное решение, но при этом оно способствует разрушению семейных и социальных отношений. Жермен, «крестный» Фанни, являющийся на самом деле ее отцом, рассказал мне о мучительных переживаниях старших братьев Фанни, которые при-

вели к тому, что один из них встал на сторону матери, а другой — на сторону отца, хотя между ними не было объявленного конфликта.

Помимо характерной для отношений между родителями и детьми эмоциональности и даже страсти, эти отношения включены в особую социальную ситуацию; и потребность в социальном позиционировании может являться как для семьи, так и для каждого из ее членов столь же, если не более, сильной, как потребность в любви. Так, анализируя юношеские стихи своего деда Ксавье-Эдуара, Мишель и Филипп Лежён видят в них «чувства, в которых социальный статус столь же значим, как и эмоциональные отношения»¹. То же самое мы наблюдаем в одной из сюжетных линий романа Ирэн Фрэн².

Что мы скрываем?

Семейную тайну довольно часто путают с тайной происхождения. Эта путаница связана с тем, что вторая разновидность имеет относительно более широкое распространение и, что более важно, чаще раскрывается или угадывается. На самом деле семейные тайны отличаются большим разнообразием: члены семьи умалчивают о том, чего стыдятся, или о том, что необходимо

¹ Lejeune X.-É. Calicot. Enquête de Michel et Philippe Lejeune. Paris: Archaud-Montalba, 1984, p. 149.

² Frain I. Secret de famille. Paris: Livre de poche, 1995.

скрывать в целях выживания или сохранения социального статуса. Сюда относятся: судебные приговоры, участие в мошенничестве или других преступлениях, факты разорения, развода или существования второй семьи. Не менее тщательно скрываются случаи алкоголизма и наркомании, сумасшествия, гомосексуализма, самоубийств или неграмотность. Под покровом тайны остаются и все виды семейного насилия. В наши дни пресса регулярно освещает случаи насилия, в частности сексуального характера, пережитые детьми в обстановке замалчивания со стороны окружения или персонала спецучреждений. Наконец, к наиболее тщательно охраняемым секретам относится поведение членов семьи во время последней войны. Как это ни удивительно, но такие тайны могут скрывать в том числе и героические поступки, если они имели место при парадоксальных обстоятельствах. Так, например, в 1940 году французский летчик защищал свой гидросамолет от англичан, которые пытались его потопить (чтобы он не попал в руки немцев). Сюда же можно отнести историю моей бабушки, которую обвинили в коллаборационизме, хотя она помогала еврейским семьям, передавая им продовольствие во время оккупации.

СВИДЕТЕЛЬСТВА И СВИДЕТЕЛИ

Я встречалась со многими свидетелями, авторами и жертвами семейных тайн. Некоторые из них предпочли раскрыть мне только часть своих секретов, объясняя это тем, что полное раскрытие все еще сопряжено с определенными рисками. Другие соглашались поговорить при условии, что ничто из мною написанного не будет указывать на конкретных людей, поскольку эта информация может затронуть их близких или даже поставить под угрозу чью-то жизнь.

Большинство услышанных мной рассказов и свидетельств имеют общую черту — они в значительной степени сбивчивы. Порой повествование оказывалось настолько запутанным, а факты столь явно не стыковались друг с другом, что эти истории можно было назвать даже бессвязными. Часто случается, что кто-то из членов семьи отрицает, иногда совершенно искренне, что то или иное событие имело место, или не признает сам факт существования какой-либо тайны. Например, когда я говорю маме, что внебрачное происхождение нашего прадеда являлось тайной, она отвечает, что папа никогда этого не скрывал. Она просто забывает, что сама узнала об этом только в день свадьбы... от своей свекрови. Возможно, после такого признания мой отец и мог свободно

обсуждать эту тему со своей женой, но нам, своим детям, он смог раскрыть данный факт семейной биографии лишь тогда, когда мы стали «достаточно взрослыми, чтобы понять» и расшифровать часто употребляемый им перифраз: «Здесь побывали пруссаки».

Сомнение и отрицание порой настолько сильны, что, даже занявшись расследованиями, некоторые в конце концов начинают задаваться вопросом, а существует ли на самом деле какая-то тайна. Когда Сюзанна наконец заставила свою мать признаться, что та родила ее не от мужа, а от своего возлюбленного, который был алжирцем, она позвонила своей самой близкой кузине: «Я сказала ей, что узнала, что мой отец был алжирцем. На что та ответила: “Ты серьезно? Разве ты не знала?”» Нет, Сюзанна не знала и к тому же была крайне раздосадована, обнаружив, что другие знали, но не говорили ей правду, которую она искала в течение многих лет. В результате она пришла к следующему выводу: «Моя тайна не была тайной. То есть она являлась тайной для всех, кроме меня, и, соответственно, не могла считаться настоящей семейной тайной...» Однако именно замалчивание, отрицание наличия тайны или следующие за раскрытием заявления о том, что она не имеет существенного значения, являются одной из самых распространенных практик авторов и сообщников создания тайны, более всего сбивающей с толку ее жертв.

В связи с этим возникает вопрос: насколько можно доверять свидетельствам жертв семейных тайн? Почему

им следует верить больше, чем тем, кто опровергает секретную информацию или отрицает само существование тайны? Мне кажется, что именно это сочетание: сомнений одних, отрицания других и общей путаницы в их рассказах как раз и является доказательством существования и влиятельной силы тайны. Вот почему я считала «правдой» то, что мне говорили; правдой в том смысле, что информация, полученная в ответ на мои слова о том, что я сама нахожусь в поисках ключа к семейной тайне, была наиболее правдивой из всего, что мне могли сообщить в тот момент, плюс сопровождающие эмоции. Ведь даже если рассказы свидетелей, включая мой собственный, не могут считаться выражением «истины», они являются, по крайней мере, выражением пережитого, прочувствованного и искомого. И именно в этом качестве они могут сопровождать нас к разгадке семейной тайны.

Свидетели, с которыми я общалась, не принадлежали к какой-либо конкретной социальной группе; я далека от мысли, что семейные тайны более распространены среди представителей определенного класса. Хотя, оценить это статистически не представляется возможным.

Далее я представляю вашему вниманию краткие описания, чтобы вам было легче ориентироваться, когда указанные персонажи будут появляться по ходу моего расследования, в котором я предпочла не раскрывать все карты сразу. Реальность полна неожиданных поворотов.